Перевод

Олег КОЦАРЕВ

Олег Коцарев (Харьков, 1981) – киевский поэт, писатель, переводчик и журналист. Автор поэтических книг «Коротке і довге» (2003), «Цілодобово!» (2007, совместно с Богданом-Олегом Горобчуком и Павлом Коробчуком), «Мій перший ніж» (2009), «Стечение обстоятельств под Яготином» (2009, в переводах на русский), «Котра година» (2013), «Цирк» (2015), «Плавні річки» (2015, совместно с Тарасом Прохасько), «Černý chléb, bílá velryba» (2015, в переводах на чешский язык), романа «Люди в гніздах» (2018) и книги малой прозы «Неймовірна Історія Правління Хлорофітума Першого» (2009). Произведения переведены на польский, чешский, русский, белорусский, немецкий, английский, шведский, бенгальский, азербайджанский, словацкий, литовский языки. Лауреат литературных премий «Смолоскип», «Молоде вино», имени Валериана Пидмогильного, «Метафора» и других. Член ПЕН-клуба. Произведения в переводах на русский язык опубликованы в журналах «Воздух», «Союз Писателей», «Крещатик», «Literratura», «НЛО», «Двоеточие» и др.

Перевёл с украинского ***Станислав Бельский***

Бахчисарайский чебурек с орденами

И вот сижу я в Бахчисарае
Возле окна огромного, а передо мною лежат
Раздавленные мёртвые солнца чебуреков
С пустыми вздутыми кратерами, жирными законами физики,
Мясными морями галактик.
Ещё вчера я был разведчиком в штабе субординации:
Нагло вербовал агентов,
Зычно смеялся и кашлял,
Короче, вёл себя непрофессионально.
А вот сегодня сбежал. Сегодня я посреди
Геометрического сада пропорций,
Посреди углов, извивов и с точками башен.
Здесь на минаретах живут сфинксы,
А на сфинксах живут козы,
А напротив меня
Русский дед пьёт чай с орденами.
Я бы и сам соорудил здесь фонтан
И написал бы тюркскими буквами:
«Вырастают груди у женщин
когда они вместо мыса входят в средние волны
а у морских мужчин
когда они посмотрят на небо
в глазах – стая чёрных волосинок».
Но ведь я сначала перепутал –
Солнце чебурека совсем не мёртвое, а живое.
Вот я сейчас съем – и засвечусь
Самовлюблённым солнцем.
Короче, я вполне доволен,

Как и русский дед напротив,
Одного бы мне только хотелось:
Увидеть фильм, фотографию или пантомиму
О том, как он вселялся
В чужую сырую квартиру,
В чужую глиняную хату,
В чужой сарай, в чужой сад с забором,
И как при этом чухал голову.

Московский проспект

Тысячи следов на снегу
потягиваются и куролесят;
тысячам следов на снегу
в нём уютно,
как и людям
в своей утренней и вечерней любви.

Миллиарды снежинок в старом дворе
забавляются и танцуют;
в узком проходике из двора на проспект
мне сказали они,
что жить собираются в моём пальто.

Щурятся глаза угасшим фонарям –
один лишь пух в мире вокруг!
И никакой несправедливости!
Я носом шмыгнул и сильно плюнул вперёд,
но кусочек моего плевка
прилип к одной из снежинок
и с нею быстро полетел сквозь проход,
быстро полетел наружу –
куда-то в опасный,
в бесконечный проспект.

Что такое счастье и кто такая работа

каждый человек
каждый день
999
раз произносит слово «счастье»
так что же такое счастье?
и, если на то уж пошло,
кто такая работа?
итак, работа – это когда
инженер возвращается с завода трезвый,
садится на зелёный диван,
достаёт свою домру –
это такой струнный
инструмент,

такое чёрное солнце с одной длинной ногой –
и исполняет пару адаптированных
произведений Бетховена,
а счастье – это когда
тот же
самый инженер
среди ночи
проснувшись, увидит,
как лунный луч сквозь окно
выхватывает из комнаты тёмной
портрет Аль Бано и Ромины Пауэр
на обложке старой пластинки:
Аль Бано хитро смеётся, а Ромина
придерживает шляпку,
инженер подскочит к окну
и увидит, что далёкий лес –
это обдранная тощая собака,
завывающая на луну,
тогда инженеру станет хорошо,
словно он две недели отдыхал в санатории,
словно свечкой негасимой работал
в окне церковном
на дежурстве ночном –
пока колокола не проснутся
и не придут
на работу.

***

Только бесконечные
Цепи фонарей
Соответствуют
Моему
Настроению.

Год национал-социализма

Год национал-социализма
Начался жареным утром,
Когда сторож перетащил к центру стоянки
Разбросанные взрывом автомобили...

Если честно,
Души были пусты,
Даже деньги, эти коньки морские,
Мало что возбуждали:
В этом легко можно было убедиться,
Зайдя в первый попавшийся офис
И выслушав половину телефонного разговора.
Сомнения исчезали:

Другой половины нет...

Огней было немного:
Архитектор из окна офиса
Увидел бы их как несколько новых высоких деревьев,
А бантики появились у всех
За считанные минуты,
И каждый дышал всё сильнее,
И кто-то нёс домой новую книжку,
И кто-то отколупывал жёлтый кирпич,
А у кого-то была только минутка – перерыв для чая –
Чтобы посмотреть, как в небе потягивается и вздыххх ает
Раскалённый синий лев...

Когда расстреливаешь быт,
Хочется видеть цветные гильзы,
Очередь над очередью:
Воздушные шары и выкрики,
Это каждый в толпе надеется получить себе орешек
Из длинных рук,
Люди не хотят болтовни,
Люди смеются и лепят нашлёпки на витрину,
И один выкладывает слово «дуля», а другой – слово «оля»,
Потом – резко спешат домой,
А там в лифте вооружённая женщина
Прибивает табличку:
«человека нужно беспощадно использовать
и человеку нужно беспощадно помогать!»

Репортаж

Уважаемые друзья
Предлагаем вам узнать
Что же происходило в нашем городе сегодня

Восемь утра. Парень приезжает на вокзал
И встречает там подружку
А у него настолько вежливое настроение,
Что он говорит ей: «А я едва не опоздал на поезд»
Но только она отвечает:
«Хорошо, что ты есть»

Двенадцатый час. Улочка
Длинная серпантинная улочка
Самая настоящая река застывшей брусчатки
С усыплёнными каменными водоворотами!
Жители рассказали нашему корреспонденту
Что ждут и не спят:
«Вот скоро выйдет она из берегов»
Какое-то мгновение – и на церковных куполах
Так засверкало солнце

Что зачесалось у улицы в носу
Она развернулась и чихнула –
Даже камешки из брусчатки полетели на небо
Полетели на крыши
На деревья
На дождь

Третий час. В парке на скамейке
Цвета пейзажа XIX века
Один алкаш
Лезет через спину другого и бьёт третьего
Третий бьёт второго
И все падают
Вместе со скамейкой солнечной
Рвут рубашки портят воздух
И катятся по чуть-чуть влажной траве
Словно эдакое свихнувшееся колесо судьбы

Восьмой час. В нашем городе начинается дождь
Вода несётся из верхних районов города
Словно школьники на свободу
Трамваи быстро со скрежетом
Режут эту святую маслянистую воду
Своими ножами вилками и рогами
А в пригородном лесу
После музыкального фестиваля
За спиной у костра возле палаток
Двое дерутся глухо как вагоны экспресса
А потом затихают
Только навязчивый обиженный голос
Блуждает как телёнок-подросток
Посреди капель дождя

Одиннадцатый час.
Юля аккуратно идёт по скользкой тропинке
Сквозь бурьяны
Над чёрным заводом
На заводе что-то быстро и часто вздыхает
Громко чтобы услышала
Каждая звезда выползшая из-за тучи
И какой-то работник ненадолго
Загораживает белую пасть сторожевого прожектора
Тогда весь мир исчезает
Юля немного пугается
На мгновение останавливается
Но она смелая девушка
Она дальше идёт
Свет оживает
И привидения прошлогодних бурьянов нас подбадривают
Юля вышла на трассу и взяла такси
День окончился
Над мостами проснулись совы

А мы попросили мэра нашего города
Прокомментировать события этого дня
Он долго вздыхал долго смотрел на нас и на вас друзья
А потом сказал:
«Ах как недостаточно!
Ах как ещё недостаточно!
Ах как ещё недостаточно мы наслаждаемся жизнью!»

Инсталляция сельской интеллигенции

мальвы и бурьяны в рост человека
в среброкленовой рамке окна
и неправильный серый неба треугольник
эта инсталляция
одновременно живая и идеальная:
хата сельской интеллигенции –
зелёная табуретка
широкие доски
немного кривого пола
белые стены и тёмные снимки
некогда идеально красивой хозяйки
и мужчины с усами гитлера
пианино «десна»
«лолита» набокова
тонкий хвост дворовой кошки
а на заборе чтоб подчеркнуть безнадёгу
кто-то написал “tokyo hotel” –
и надо всем
словно слой воды
шевелит лучиками шопен
кошка играет
хвостом мыльных пузырей-сплетен
а в раскрытых дверях стоит тот
единственный кто знает сюда
(хоть и не скажет зачем)
дорогу –
лёня «иисус»
и показывает вместо справки об увольнении
шахматную доску своих зубов
здесь даже ему интересно
здесь словно выворачиваешь наизнанку
как носок
графин воды
колодезной воды
с толстым песчаным осадком

Последний день

Не было

Ни ангелов, ни труб,
Была салатовая молния,
Чёрная трава
Заглядывала
В окна,
А на крыше
Сытый с голодным
Начинали понимать
Друг друга.

Холод сидит в кресле напротив

Каждые часы показывают своё время.
Дед разглядывает тройку ключей.
Металлическая спираль пульсирует красным.
Тихо и нет никого. Только холод
Сидит в кресле напротив.
Холод старший брат.
Спокойный и светлый.
С ним можно говорить и даже ругаться.
Дед отбивает неизвестный ритм.
Каждые часы показывают своё время.
А на далёкую асфальтовую трассу
Водитель поставил недопитый кофе.
Дождь падает в него и разбавляет.
И скоро может опрокинуть.

Я+:

точки над речной водой
точки над лепестками кабины душ
точки над я

Обходиться без всего

Вечер:
На соснах
На десять минут
Созревает малина

Дополнительный сервис

Ты сидишь на серой стене
В точках над беззвучной рекой,
И для муравьёв, блестящих на солнце,
Твои ботинки –
Как одна из пещер этой извечной крепости,
А если ты просидишь тут ещё с полчаса,

То они залезут тебе даже в рот,
Даже губы защекочут.

Из-за того, что ты пишешь sms тем, кто умер,
Ярко сияет на корпусе серебряная краска,
Вместо номеров – забытые слова
И огненные черепашки звуков.
Эти провалы на востоке засыпаны листвой,
И ты пишешь, пишешь, пишешь,
Руки-узелки, руки-детекторы,
В одежде прячется столько букв,
Из этого можно создать много сообщений!

Твой телефон, конечно, запутанная штуковина,
Но в нём должен быть этот сервис –
Дрожать во сне,
Узнавать фигуру,
Хрустеть ветками и снимками,
Пересылать туда сообщение,
А у отдельных операторов можно даже
Позвонить бабушке на навскую пасху.

Из цикла «Серо-красное вещество»

1919

Полная комната ключей.
Воспоминания пытаются вынырнуть
Из чашки чая, разбавленного сгущёнкой.
Ласточки. Брызги.
Очередное бесконечное время года.
Армия Украинской народной республики
Свободно перемещается по железной дороге –
Ведь Шиян контролирует
Всю ветку: от завода и до Харькова.
Теперь у каждого дождя – своя армия,
Теперь ворон не лови.
Поэтому Шиян и его армия
Украинской народной республики
Окружают лавку моей прапрабабушки
И требуют им открыть.
Заходят в комнату и видят, что она
Битком набита только одним:
Бочками с селёдкой.
Селёдки – и всё,
Словно гильзы, собранные во всех уголках войны,
Бесконечные селёдки,
Бесконечные буквы о, такие обидные для тех,
кто не умеет читать.
«Откуда это?» – спрашивает Шиян.
Моя прапрабабушка отвечает:

«Это моей дочери жених подарил,
он приезжал в белых перчаточках,
но провалился под лёд, простудился и умер».
Шиян забрал всю селёдку,
Не боясь
Быть выслеженным по запаху.
Прямо на коне он заехал в госпиталь,
«Есть ли такой-то?» – спросил,
Конь через ступеньки запрыгнул на следующий этаж,
Почему-то не удивив старую сестру,
И бойцы вывели четырёх раненых.
Это арт-нуво, мир после дождя,
Когда прикасается к раскалённому авангарду,
Начинает бешено дымиться,
И за недостатком времени расстрелянных кладут
В той самой части двора,
Где убивали предыдущих пациентов
Белые русские и красные китайцы.
Вода на реке каждую весну разливается,
И выдры ныряют в неё, как чаинки
В чай, разбавленный сгущёнкой.

Две ворожки

Есть у меня две ворожки –
Обе чернявые, высокие,
И обе на меня похожи.

Я их боюсь – я видел,
Как задуманное ими сбывается,
Как ведут они за тонкие верёвочки
Горы, комнаты, самолёты и любови.

«Что вы обо мне задумали?
Разложили карты и руки,
Вулкан чая дымит у вас и сигарета,
Я знаю, что больно не будет,
Но всё-таки от вас убегу».

Они посмотрят на меня издали, подумают:
«Ах, какая хорошая часть пейзажа!
Жаль его трогать, жаль портить дорогу,
Пускай уже так,
Пускай!»
И правда, я так гармонично
Спешу по полям к кому-то,
Такой растянуто-изящной синусоидой,
Что ни один занесённый меч, тьфу-тьфу-тьфу,
Не осмелится меня ударить.

Посмотрите в мои раскрытые карманы:

Какие нитки,
Монеты и ткани комки!
Может, это самое красивое, что вам приводилось видеть
В этот незрело-черешневый вечер?
И положите, будьте добры, обратно.

Мои карманы раскрыты, поэтому я не боюсь,
Даже ворожек,
Это я им соврал,
Когда убегал,
А они совсем и не обиделись,
За что на меня обижаться?

Они руки складывают,
А я спешу,
Дольки радости понемногу тасуются с пейзажами,
Руки гладят карты, а карты – стол:
«Он выйдет на трассу, и его опять подвезут».

Карты превратятся в маленьких зверят,
Тузы – в красных и чёрных ёжиков.
И одна ворожка скажет:
«Пусть чёрные ёжики незаметно живут в сожжённом лесу»,
А вторая:
«А красные пусть спокойно живут в осеннем».

Стоматолог мороз

Обычно эти процессы растягиваются,
Но сегодня
Одна за другой
В течение каких-то шести секунд
Отпали три сосульки
От крыши маленького домика,
Медленно, слегка поворачиваясь,
И куклы висели на окнах
Медленно, поворачиваясь,
Уж скоро разольётся теней кефир,
И на улицу Цыгарёвскую
Придёт стоматолог-мороз

Поединок в горизонтальных плоскостях

Капает тёплый дождь на мозаику,
Где застыли в полёте с мечами
Крепкие и решительные мужчины.
Сразу видно, что это тот самый
Драматический поединок свободы и рабства,
Которому учит нас всемирная история,
Осторожно идите, не наступите на героя!

Но приходит вода, чуть сероватая,
Изменяет очертания, знамёна и краски мечей,
История –
Ошиблась,
Мозаика –
Усложнилась:
Ваш выбор на самом деле – между рабом и дебилом,
И у каждого, что характерно, свои преимущества,
Дебил улыбаться лучше умеет,
А раб лучше приспособлен
К марафонским дистанциям.